

ПАВШИЕ И ЖИВЫЕ

Мстислава Ростроповича и Сейджи Озаву слушал даже Борис Ельцин

Независимая газета
-1998. - 19 сент. - с. 7

Вадим Журавлев

НА ПОПРИЩЕ музыкального просвещения российской политической элиты Ростропович — неутомим. Три месяца назад он заставил слушать Девятую симфонию ныне покойного Шнитке мэра Москвы Юрия Лужкова. На этой неделе Ростропович вновь оказался в Москве с очередным культурным проектом — в рамках культурного моста Япония—Россия «От сердца к сердцу» он и великий японский дирижер Сейджи Озава вместе с оркестром «Нью Джэпан Филармоник» дали два концерта, один из которых неожиданно посетили Борис Ельцин (обычно президента в Большом зале Консерватории заменяла супруга) с «другом Рю».

История концертов необычна. Полтора года назад, когда Москва собиралась помпезно отметить 70-летие Ростроповича, он собирался выступить у нас вместе с Озавой. И речь тогда шла о Лондонском симфоническом оркестре. Но из-за просочившейся в прессе информации о бюджете этих юбилейных гастролей даже в среде демократической интеллигенции (которая Ростроповича боготворит) появилось много недовольных, и пошли разговоры: неприлично тратить столько денег на два концерта, когда российская культура гибнет. Широким жестом Ростропович отказался от концертов, хотя позже его все же чествовали в Москве (а также в Баку, Париже, Мадриде и т.д.). Но не таков Ростропович, чтобы сдаться. И вот через полтора года идея тех несостоявшихся гастролей трансформировалась в российско-японский проект, политическую подоплеку которого даже не скрывали. Отставной премьер-министр Японии и действующий президент России немало обнимались перед телекамерами, теперь фото обнимающихся музыкантов — Ростроповича и Озавы — украшало сцену БЗК. К тому же Ростропович еще раз доказал, что, помимо дружбы с президентами и коронованными особами, он имеет и некоторое влияние на них. Не зря он ел пельмени у супруги российского президента (а его собственная супруга расхваливала рецепт Наины Иосифовны) — последний раз Ельцина видели в Консерватории еще во времена СССР. И пусть Борису Николаевичу пришлось мучиться на «Военном реквиеме» Бриттена, Ростропович оказался первым музыкантом (а может, и последним?), концерт которого Ельцин посетил. Правда, пришлось сделать неожиданный антракт (что, прямо скажем, выходит за рамки мировых традиций исполнения реквиемов), и президент благополучно отбыл домой, не дослушав пророческого «Спаси мя, Господи».

А в первый день гастролей японский оркестр был во власти Сейджи Озавы. Дирижер, принадлежащий к мировой топ-десятке, не был в Москве более четверти века. За эти годы через руки меломанов прошло огром-

ное количество записей Озавы с лучшими оркестрами и солистами мира, которые ясно свидетельствовали о выдающихся качествах главного дирижера Бостонского симфонического оркестра (Озава возглавляет этот коллектив также четверть века, что считается рекордом). Оркестр «Нью Джэпан Филармоник» был создан им же в 1972 году, но в последнее время «главный дирижер Японии» в основном выступает с другим японским коллективом — оркестром «Сайто Кинэн». Трудно сказать, когда Озава в последний раз дирижировал «Нью Джэпан Филармоник», но вместо ожидавшихся хорошо обученных технарей (множество японских музыкантов в состоя-

От будничной невыразительности и усредненной славянской душевности немного подташнивало, а финальное крещендо оркестра почти добило некоторых слушателей своей слащавостью. При организации этого культурного проекта было решено столько проблем — до музыки ли тут.

В «Дон Кихоте», в котором проявляется вся склонность композитора к оркестровой красочности, сюжетной «литературщины» и прямо-таки оперным эффектам (с той лишь разницей, что «поет» виолончель), происходило то же самое. Правда, ярко выраженная театральность Ростроповича (чего стоил его финальный пассаж — «смерть Дон Кихота» — или «диалог» дирижерской па-

шер-Дискау), взял на себя Озава. К тому же английский текст был специально переведен на русский язык, чтобы публика понимала то, что поют тенор Бадри Майсурадзе и баритон Андрей Славный, но из-за плохой дикции затая эта потеряла всякий смысл. Лучшим в этот вечер был Озава, который выжал все возможное из двенадцати музыкантов камерного оркестра. Там, где трудился Ростропович с оркестром и хором Симфонической капеллы России, светлый пафос британский пафос музыки Бриттена превращался в невнятный шум, а появившаяся перед оффертурным пауза сбила и без того слабый накал исполнения. Слияния большого и камерного оркестров

Дирижер Сейджи Озава (справа) величает Ростроповича «старшим братом Славой». Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

нии ныне позволить себе обучение в лучших европейских и американских музыкальных школах к нам приехал весьма скромный оркестр. Порой оркестранты «лажались» слишком откровенно. Ощущения от выступлений Озавы также были далеки от тех, что обычно сопровождают выступления великих музыкантов. И в Виолончельном концерте Дворжака, и в фантастических вариациях «Дон Кихот» Рихарда Штрауса он больше всего внимания уделял солисту, очень стараясь, что было слишком заметно, но результат был куда как скромнее. Конечно, можно было любоваться его дирижерской техникой, роскошной шевелюрой. Казалось, весь свой эмоциональный запас он расплескал утром того же дня на пресс-конференции, где он залился слезами, говоря о своей любви к Ростроповичу.

Самым неудачным оказалось исполнение дворжаковского концерта. Ростропович, у которого уже давно проблемы с чистым исполнением виртуозных сольных партий, спотыкался практически на каждом пассаже.

лочки и виолончельного пищика) добавила действу оригинальности. Совершенно непонятным оставалась стилистическая принадлежность этой интерпретации (Ростропович, кажется, играл музыку Шнитке). Присутствие столь именитых музыкантов все же оставляло надежду на то, что такая малость, как стилистическая выверенность, все же будет безупречной. Увы...

На следующий день публика вместе с президентом внимала «Военному реквиему» Бриттена. Наместник английского композитора на земле, Ростропович выступил на этот раз ревнителем аутентичных традиций. Он восстановил задуманное Бриттеном: на сцене кроме японского оркестра, которым он сам и дирижировал, был выделен оркестр камерный, которым обычно дирижировал сам композитор. Теперь камерную часть реквиема, которая сопровождает введенные в канонический текст литургии поэтические диалоги павших на войне солдат-врагов (на мировой премьере их партии исполняли английский тенор Питер Пирс и немецкий баритон Дитрих Фи-

не вышло — слишком разнится дирижерский класс Озавы и Ростроповича. Японская певица Энко Морикава в сопрановой партии не блистала из-за явных проблем с «верхами» (напомним, партия эта была написана специально для Галины Вишневской, но коммунисты не пустили ее на премьеру). Очень старавшийся Бадри Майсурадзе лишь на несколько минут смог преодолеть более близкую ему «белькантовость», которая плохо подходила для музыки Бриттена. Молодой питерский баритон Андрей Славный пел очень культурно, но голос его был слишком мал для такого грандиозного произведения и такого большого зала.

Чем же, кроме столь яркого политического шага Ростроповича-мироотворца и откровенных провалов Ростроповича-музыканта, запомнились эти «сердечные порывы»? Замечательным исполнением российского гимна, два раза открывавшего концерты, который японские музыканты исполняли стоя (слава Богу, кроме виолончелистов). Вот где Озава был в форме, «Париж стоит мессы...»